

Философия в Академии: история и современность

Беседа с профессором МДА Н.К. Гаврюшиным

Николай Константинович, в какой мере можно говорить о преемственности нашей философской школы, ведь в XIX в. философская школа МДА была довольно специальным явлением, и предметы, и методы изучения были свои, особенные? В Университете, например, все было по-другому.

Мне трудно говорить о последнем этапе, это связано с моим собственным преподаванием. Для осмысления истории требуется некоторая дистанция. Конечно, то, что у нас есть на нынешний день, отличается от того, что было до революции. Но отличается не по основным ценностям и не по какой-то тональности, а, как мне представляется, по некоторому предпочтению историзма догматизму. Если взять наиболее яркий пример догматически законченной системы — учебник Кудрявцева, то здесь философия представляется как некоторое более-менее окончательное построение в области гносеологии, онтологии и т. д., основанное, конечно, и на предшествовавших разработках. На сегодняшний день такой философии у нас вообще никто не преподает. Предмет преподавания сознательно строится исторически, так, чтобы наши студенты видели связь философских исканий и настроений с развитием религиозного сознания, с появлением в нем новых метафизических, психологических и прочих вопросов, ощущали соприкосновение и взаимопроникновение вопросов метафизики и религиозной догматики.

Вот этот историзм и параллелизм философского развития и развития религиозного сознания и характеризует, как мне кажется, новейший этап преподавания философии в духовных школах.

Можно предположить, — я не думаю, что это предположение для кого-то обидно или несправедливо, — что такой подход, в некотором смысле, означает самоустранение профессора от ответственной самостоятельной интерпретации фундаментальных философских проблем. Но можно предположить и другое, что здесь задача профессора как раз не в том, чтобы преподать закончен-

ную систему, а в том, чтобы воспитать у студентов интерес к самому движению смыслов в истории философии и религиозного сознания. Такое представление в какой-то мере отличает наше преподавание философии от того, которое имело место в XIX и начале XX века.

С другой стороны, сейчас имеется некоторая преемственность с курсом отца Павла Флоренского, может быть, даже невольная, чисто предметно мотивированная. Дело в том, что отец Павел Флоренский в свое время инициировал создание в Московской духовной академии кафедры истории мировоззрений, и те вопросы, которые он там ставил для своих студентов, методологически близки тем вопросам, которые мы так или иначе затрагиваем сегодня.

Николай Константинович, в отличие от Флоренского, имена большинства выдающихся философов МДА, таких как Глаголев, Введенский, не говоря уже о Кудрявцеве и Голубинском, вне Академии практически неизвестны.

Об Алексее Ивановиче Введенском, я думаю, мы еще услышим суждение наших современников, которые соберутся изучить его труды по французской философии, буддизму и другие философские работы. По-настоящему он не был прочитан. Алексей Иванович — человек с прекрасным стилем, который свободно владел французским и немецким, знал не только философию, но и психологию, и историю религий, и был при этом достаточно живым человеком, — он представляется мне очень яркой личностью, в силу обстоятельств позабытой.

Отчасти все, действительно, затмила фигура отца Павла Флоренского с его неординарными экскурсами в математику и оккультизм. Флоренский не был типичным представителем академической школы, он пришел в Московскую академию уже сформировавшимся ученым. К моменту его появления в Академии тематика его труда «Столп и утверждение истины» была уже в значительной степени сформирована схимархимандритом Серапионом (Машкиным), но главное, что метода его была совсем иного плана.

Еще одна интересная фигура — Михаил Михайлович Тареев, но на него повесили ярлык «протестанта» и, к сожалению, тоже забыли. Только из-за рубежа были запоздалые отклики: Флоровский писал, что «напрасно затерли Тареева».

Что происходило с философской школой в советское время?

1917 год прервал традицию духовно-академической философии, а в период возобновления школ после Великой Отечественной войны ситуация была известная: в стране была одна философия — марксистская, и поэтому философии как отдельного предмета очень долгое время не было вообще. Единственное, что так или иначе оформлялось, это отдельные философские экскурсии в рамках преподавания основного богословия или каких-то специальных курсов. Профессор Михаил Агафангелович Старокадомский читал курс истории русской религиозной мысли, правда, по-видимому, не в Академии, а в аспирантуре при ОВЦС.

Только в 1987 году в Академии был введен предмет «История русской религиозной мысли», и в рамках этого предмета читалась вводная часть из нескольких лекций, посвященных крупнейшим явлениям мировой философии: платонизм, аристотелизм, Кант, Шеллинг, Гегель — просто чтобы студенты имели какие-то ориентиры, о чем идет речь.

Спустя два года удалось убедить руководство, что надо ввести философию и в Семинарии. Курс назывался «Введение в философию», но читался он исторически, то есть как история философии. Первоначально его читал я, затем Леонид Иванович Василенко. В 1993 году курс философии в Семинарии был опять упразднен, и лишь в 1996 году, с приходом владыки Евгения, преподавание философии в Семинарии возобновили.

В Академии историю философии приблизительно с 1989 по 1996 годы читал Василий Георгиевич Морозов, кстати, кандидат физико-математических наук. Я хорошо помню: на пробной лекции перед преподавателями Академии он сделал очень неплохой доклад восприятия фило-

софии и религиозной мысли Бёме в России. Очень многие студенты были довольны его лекциями.

Когда ушел Морозов, мне пришлось вести все: и в Семинарии, и в Академии... Правда, это способствовало тому, что мне дали двух ассистентов, студентов Академии, и они стали уже приобщаться к преподаванию в Семинарии. Это была очень положительная практика. Один сейчас священник и преподаватель Одесской семинарии, пишет учебник по философии, другой уже третий год в аспирантуре в Берне, где занимается старокатолицизмом, правда, я надеюсь, что он вернется к нам и будет продолжать наши философские традиции. Все именно так и воспринимали этих студентов — как продолжателей академической традиции философии, преемственности, которая у нас, было ощущение, имеется.

Николай Константинович, что необходимо сейчас для развития философской школы МДА?

Я думаю, что какие бы то ни было положительные сдвиги будут возможны, лишь когда преподавание философии будет увязано, во-первых, с соответствующей предварительной подготовкой в области языков, и, во-вторых, с изменением самого метода преподавания. Лекции на недифференцированную аудиторию в 30 человек менее продуктивны, чем работа в узких семинарах по 5–7 человек, в которых по определенной программе самими студентами велась бы работа с первоисточниками, на их основе делались бы доклады и обсуждались в присутствии профессора. Вот тогда мне представляется возможным более активное усвоение истории философии в том контексте, о котором мы уже говорили. Та система преподавания, которая у нас есть на сегодня, по сути дела, не учитывает задач именно философского преподавания, она не позволяет перейти на новый уровень.

*Беседовал Николай Солодов,
3 курс МДС*